

Глава 12

Когда Горшочек проснулся, на кане он был один.

Потирая глаза и щурясь от яркого света, заливавшего хижину, он негромко позвал:

— Братик...

Никто не отозвался, но малыш не расстроился. Его брат обычно поднимался с первыми петухами, стараясь не шуметь, и Горшочек не раз ловил его на том, как тот украдкой натягивал одежду в предрассветных сумерках.

В этот раз Вэй Чэн не взял его с собой. Он сказал, что далеко не пойдёт — присмотрит сушняк в леске сразу за домом. К тому же Горшочку нельзя было бегать по лесу в чужой куртке, которую сегодня нужно было вернуть владельцам.

Старший брат так ласково уговаривал его, что малыш послушно провалился в глубокий, сладкий сон.

Проснувшись окончательно, ребёнок не смог усидеть на месте. Стараясь подражать Вэй Чэну, он кое-как запахнул на себе осеннюю рубаху, даже не заметив, что пояс не завязан, и решил слезть с печи.

Кан, хоть и был узким, казался малышу слишком высоким. Посмотрев вниз, Горшочек струсил прыгать. Тогда он развернулся задом и начал медленно сползать к краю. Сначала вытянул одну короткую ножку, нащупывая пол, потом другую, потихоньку соскальзывая всё ниже... и в итоге повис, зацепившись животом за край.

Две короткие ножки как ни дрыгались, а до земли было не достать.

Вэй Чэн вошёл в комнату как раз в тот момент, когда эта комичная картина была в самом разгаре.

— Братик... помоги... — Горшочек был уже готов расплакаться от досады.

Юноша подошёл, подхватил его под мышки и усадил обратно на кан.

— Глядите-ка, какой смелый выискался! — со смехом проговорил он. — Сам решил на пол спуститься? Неужто забыл, какой длины у тебя ножки?

Усадив брата, он чуть отступил. От одежды веяло уличным холодом.

— Проснулся... хотел найти... братика, — Горшочек покраснел до самых ушей.

Малыш потрогал свои короткие ноги и горестно вздохнул, точь-в-точь как маленький старик:

— Не слушаются... эх.

Вэй Чэн не выдержал и прыснул. Забавные словечки братишки всегда вызывали у него улыбку.

— Не ворчи. Вот подрастёшь, и всё наладится.

Он ласково взъерошил ему волосы:

— Сначала почистим зубы и умоемся, а потом позавтракаем. Мне ещё нужно сходить к Доумяо, вернуть куртку.

При упоминании о чистке зубов уныние Горшочка как рукой сняло. Глаза его радостно заблестели:

— Да!

Он всё ещё помнил, как братец-гээр из дома лекаря у подножия горы дразнил его тем, что от него не пахнет свежестью.

Но стоило Вэй Чэну достать щётку, посыпать её ароматным чайным порошком и приняться за дело, как пыл малыша угас. Едва брат пару раз провёл по его молочным зубам, Горшочек плотно сжал губы и глухо пробормотал:

— Братик, не надо больше.

— Мы только начали. Будь умницей, Горшочек, ещё всего несколько раз, — уговаривал Вэй Чэн.

— Но... но у Горшочка зубки... очень болят, — ребёнок насупился, а его глаза подозрительно заблестели, придавая ему самый несчастный вид.

Юноша не на шутку встревожился:

— Я слишком сильно нажал? Где болит?

— Вот... вот тут, — Горшочек ткнул пальчиком сначала в одну щеку, потом в другую, а в

довершение сморщил носик: — И тут тоже.

Вэй Чэн на мгновение замер. Щётка касалась зубов, так при чём здесь щёки и губы? Поняв, в чём дело, он многозначительно хмыкнул и принялся картинно убирать порошок.

— Ох, беда... Раз болит везде, значит, дело серьёзное. Придётся звать лекаря, пусть лечит Горшочка.

Малыш быстро забегал глазками и замотал головой:

— Не надо лекаря, не надо!

— Нет, надо, — настаивал Вэй Чэн. — Помнишь, какое горькое лекарство я пил недавно? Раз у ребёнка всё болит, лекарь выпишет самый чёрный, самый противный отвар. Я помню одного мальчика, который каждый раз зажимал нос и кричал, что от него воняет.

Горшочек, хоть и был порой упрям, представил эту картину и весь сжался. Но всё же упрямо вскинул подбородок:

— Горшочек... не боится горького.

— Это хорошо, что не боишься, — вздохнул Вэй Чэн. — Жаль только, что через пару дней мы соберёмся в город за мукой и рисом. Наверняка будем проходить мимо лавок со сладостями... Но раз ты будешь пить лекарства, то сахарные пирожные и леденцы тебе нельзя. А я ведь помню: там были леденцы и в виде зайчиков, и в виде тигров...

Не успел он договорить, как пухлая ручонка вцепилась в зубную щётку. Её хозяин с самым решительным видом произнёс:

— Братик, молчи. Чисти Горшочка.

«Горького-то он, может, и не боится, а вот перед сладостями устоять не в силах, — подумал Вэй Чэн, с трудом сдерживая смех»

Он не стал разоблачать маленького хитреца и принялся старательно чистить его зубки. Они у Горшочка были ровные, белые, как отборный рис, без единого тёмного пятнышка.

В их деревне многие следили за чистотой рта. Кто побогаче — покупали щётки и порошки, кто беднее — жевали листья сушёного падуба, дававшего свежесть. Были и совсем неряшливые: день жуют, два — нет. Вэй Чэн привык к чистоте с детства. Его отец, Вэй Даньен, ни в чём не отказывал Цинь-ши, а она была женщиной чистоплотной и приучила сына пользоваться щёткой и порошком с четырёх лет.

Когда он лишился дома, ему стало не до того — выжить бы. Но однажды он увидел брата Цинь-ши: стоило тому открыть рот, как обнажались гнилые чёрные зубы, а тяжёлый запах сбивал с ног. Вэй Чэн не хотел стать таким, поэтому каждую осень тайно запасал в лесу листья падуба на всю зиму. Теперь же, когда у них появились деньги, мучиться с горькими листьями больше не придётся.

На зубные принадлежности они потратили немало — целых сто монет. Но и запасов хватило бы надолго: две щётки за двадцать монет и восемь коробочек чайного порошка. Даже если чистить зубы дважды в день, этого хватит на добрые полгода.

— Братик... Горшочек теперь... вкусно пахнет?

Сначала щётка ему не нравилась, но Вэй Чэн действовал так осторожно и мягко, что малыш быстро привык.

— Очень вкусно, — подтвердил брат.

Он достал баночку персикового бальзама. Стоило открыть крышку, как комнату наполнил нежный фруктовый аромат. Подцепив кончиком пальца немного мази, юноша бережно растёр её по обветренным, покрасневшим щёчкам Горшочка.

— А теперь — ещё лучше!

Малыш просиял. От недавних жалоб на «боль» не осталось и следа.

После умывания подоспел и завтрак: на плите как раз согрелись два пирожка и остатки наваристого овощного супа.

Поев, Вэй Чэн спрятал деньги в кошель, подхватил две вязанки хвороста, заготовленных с утра, и закинул за спину короб. В нём лежали вата, отрезки ткани, старые башмачки Горшочка и та самая одежда, которую они брали у семьи Ма.

Горшочек остался дома. Без тёплого одеяния на мороз выходить было нельзя, да и после вчерашней выходки Цинь-ши по деревне наверняка поползли скверные слухи. Вэй Чэн решил, что малышу будет спокойнее в хижине — он обернётся быстро.

В доме Ма он застал только матушку Доумяо. Во дворе стоял густой пар и крепкий запах варёных потрохов.

— Тётушка, я принёс куртку. Спасибо вам большое.

Вэй Чэн протянул сложенную вещицу женщине. Та отложила черпак, вытерла руки и с

улыбкой приняла одежду. Развернув её и внимательно осмотрев, она довольно кивнула:

— Надо же, ни пятнышка! Чэн-эр, я знала, что на тебя можно положиться.

— Это Горшочек старался, был очень аккуратен.

Юноша огляделся:

— А где Доумяо?

— Да к подножию горы убежал, хворост собирать, — отозвалась матушка Доумяо. — Скоро Новый год, у отца его работы невпроворот — по всей округе свиней бьёт. Дома сухих дров почти не осталось, а мне от плиты не отойти. Вот и послала сына.

— Возьмите этот хворост, пригодится.

Матушка Доумяо замахала руками:

— Что ты! Он же у тебя веточка к веточке, так ладно связан — такой в городе с руками оторвут! Ничего, я подожду Доумяо.

— Тётушка, я специально для вас его с утра собирал.

Вэй Чэн улыбнулся и добавил тише:

— У меня к вам дело есть.

Женщина выжидающе посмотрела на него. Юноша бросил взгляд на калитку, убедился, что она закрыта, и подставил короб поближе.

— Сможете сшить нам одежду и обувь? — он достал из рукава кошелёк. — Тут двести монет за работу. Если не хватит — скажите, я добавлю.

Матушка Доумяо заглянула в короб. Увидев вату и ткани, она изумлённо вскинула брови.

— Господи... Чэн-эр, ты где ж такие богатства раздобыл? — прошептала она.

Вэй Чэн ответил заранее заготовленной ложью:

— Пришлось заложить мой серебряный замок долголетия.

— Ох, неужто замок продал?.. — женщина сокрушённо вздохнула, но деньги взяла. — Не сомневайся, сделаю всё в лучшем виде. Двухсот монет — это даже много, лишнего я с тебя не возьму. Нитки и подошвы возьму самые крепкие, чтобы и в лесу дрова рубить, и тяжести таскать — не сносишь!

Вэй Чэн поблагодарил её.

Матушка Доумяо была женщиной хваткой: не откладывая дело в долгий ящик, она увела его в дом, сняла мерки и набросала эскизы обуви. У неё осталась старая куртка Горшочка и одну из его туфель с тигриной головой, так что отсутствие малыша работе не мешало.

— Вы оба ещё растёте, — рассудительно заметила она. — Сделаю-ка я всё на ладонь шире. Рукава подвернёте, в обувь лишнюю стельку положите — так на дольше хватит. Деньги-то счёт любят. Согласен?

— Как скажете, тётушка.

Закончив с одеждой, Вэй Чэн спросил:

— Не знаете, у кого в деревне в этом году урожай картофеля был побогаче?

Женщина прищурилась:

— Тебе много надо?

— Денег у меня осталось немного, монет пятьдесят... Думал купить по чуть-чуть на первое время.

— Урожай нынче добрый, картофель дешёвый — по монете за цзинь. Если нужно, я тебе так пару штук дам, испечёте на углях.

Вэй Чэн наотрез отказался брать даром. В итоге он спустился в погреб семьи Ма, отобрал несколько десятков крупных свежих клубней и отдал матушке Доумяо двадцать монет. Та, не говоря ни слова, ловко подкинула ему в короб ещё пять штук сверху.

С самим Доумяо он так и не встретился. Горшочек ждал его дома, так что Вэй Чэн поспешил откланяться, договорившись, что через пару дней заберёт первую готовую одежду.

Когда он выходил со двора семьи Ма, то заметил кучку деревенских женщин. Они провожали

его косыми взглядами и о чём-то перешёптывались.

Стоило ему обернуться, как они тут же притихли.

Юноша с холодным лицом прошёл мимо, и в спину ему долетели обрывки голосов:

— Слыхали? Вчера-то Цинь-ши к нему заявлялась!

— Да что ты! Она же как замуж второй раз вышла, так о сыне и слышать не хотела. Живёт припеваючи, а про кровиночку забыла...

— Да и не мудрено! Говорят, этот Вэй Чэн, как его из дома выставили, сразу к Сунам подался — и такого там наворотил! Всю семью сглазил!

— Посмотрите на Ван Чжуанцзы и его жену — на них же лица нет! А Вэй Саньнянь? Слыхала, он спину так повредил, что теперь, поди, до конца дней...

Женщины разразились гадким смехом. Одна спросила:

— А ты-то откуда про это знаешь?

— Да я ж рядом с третьим братом Вэй живу. Слышала ночью, как Лю-ши его на чём свет стоит костерила, мол, ни на что он теперь не годен...

Вэй Чэн шёл быстро. Вскоре голоса сплетниц остались далеко позади.

Каждое утро, лишь только кричали петухи, он уходил в лес собирать сучья. Если попадалась ветка потолще, он разбивал её кайлом и связывал сушняк крепкими верёвками из сухой травы.

Пока он трудился, Горшочек тоже не сидел сложа руки. Он научился печь картофель на углях. Клубни у него выходили золотистыми, мягкими и ни капли не подгорелыми.

Поначалу Вэй Чэн боялся подпускать малыша к огню, но однажды он задержался, а когда вернулся, Горшочек сам испёк картофель. Он ничуть не пострадал, разве что личико было в саже, отчего он стал похож на маленького пятнистого котёнка.

Так что теперь, возвращаясь домой, Вэй Чэн всегда находил горячую еду.

На третий день он забрал готовую одежду для Горшочка. Башмачки должны были быть готовы позже, но у малыша были туфли с тигриной головой от лекаря, так что на улицу выходить было не страшно.

Три дня Горшочек послушно сидел в хижине, но в душе уже изнывал от скуки. Едва на него надели новую куртку, он схватил брата за руку и потянул к выходу.

— Братик, пойдём ловить зайчиков!

Вэй Чэн обещал ему: как только будет готова тёплая одежда, они пойдут в лес за добычей.

Заперев хижину на замок, братья двинулись в горы.

Зимой всё иначе. Отец говорил Вэй Чэну, что зайцы больше всего боятся снега: стоит им высунуться из норы, как вокруг всё белым-бело, и они часто застревают в сугробах.

Горшочек щурился от нестерпимого блеска. Он потянул брата за руку:

— Братик... где же зайчики?

— Зимой они выходят кормиться ночью, а днём прячутся в снежных норах, — прошептал Вэй Чэн. — Гляди-ка, видишь следы?

Горшочек тоже перешёл на шёпот:

— Вижу.

— Пошли тихо. Будем идти по следу.

На снегу виднелись лишь нечёткие заячьи следы. Дети затаили дыхание. Вдруг следы оборвались, а неподалёку обнаружился небольшой снежный бугорок.

Вэй Чэн крепче перехватил палку и резко ударил по нему. Снег взметнулся облаком, и из-под него выскочил серый заяц.

Удар оглушил зверя. Заяц на мгновение замер, закружился на месте, но тут же опомнился и припустил прочь.

Вэй Чэн хотел было броситься в погоню, но Горшочек опередил его — он метнулся вперёд, точно быстрая чёрная тень.

— Горшочек, медленнее беги! — у Вэй Чэна сердце ушло в пятки.

Бросив короб, он со всех ног кинулся за братом.

Раздался глухой хлопок — Горшочек всем телом повалился на снег и замер.

— Горшочек! Не надо, не преследуй его! — закричал Вэй Чэн.

— Братик, смотри!

Малыш вскочил. Личико его покраснелось, глаза сияли. В руках он крепко сжимал большого серого зайца.

— Горшочек... ты... ты его поймал! — выдохнул изумлённый брат.

Пока заяц не пришёл в себя, он быстро связал ему лапы и бросил в короб.

— Горшочек, какой же ты молодец!

Малыш довольно улыбнулся и важно отряхнул ладошки:

— Горшочек... самый сильный... ребёнок.

То ли им везло, то ли зайцы в этих краях были совсем не пугаными, но за полдня два маленьких охотника поймали трёх зверей. Заяц Горшочка был самым жирным, два других — поменьше.

Солнце начало клониться к закату. Память о волке всё ещё жила в сердце Вэй Чэна, поэтому он поспешил увести брата домой.

На следующее утро, съев по паре картофелин, братья сели в телегу и отправились в город.

Надо же было такому случиться, что в той же телеге оказались старуха Фан и Вэй Линьлан. Старуха лишь окатила Вэй Чэна презрительным взглядом, но промолчала, усадив внучку на другой край.

Вэй Чэн заметил, что сегодня Линьлан разоделась: яркая розовая куртка, в волосах — резная деревянная шпилька, а губы подкрашены красным.

«Вспомнил... кажется, ей прочили в жёны сына какого-то богача... — промелькнуло у него в голове. — Впрочем, какое мне до этого дело? Раз они не ищут проблем, зачем забивать голову?»

— Чэн-эр, а на малом-то куртка новая? — раздался голос одного из фуланов в телеге. Тот внимательно разглядывал Горшочка. — Гляди, сколько ваты! По швам видать — работа матушки Доумяо. Откуда ж у тебя деньги?

Мужчина покосился на короб:

— Разбогател? Что несёшь на продажу? А ну, покажи.

Вэй Чэн промолчал, и тогда тот потянулся к коробу сам. Но тут же с шипением отдернул руку:

— Ой! Да он у тебя кусается, что ли, как собака?!

Горшочек оскалился, глядя на обидчика исподлобья. Никому он не позволит трогать своих зайцев!

Вэй Чэн прижал малыша к себе и спокойно ответил:

— Дядюшка шутит. Пришлось заложить мой замок долголетия, чтобы не замёрзнуть зимой. А в коробе — только сухая трава.

Мужчина недоверчиво заглянул внутрь и впрямь увидел лишь охапку сена.

Старуха Фан ловила каждое слово.

«Маленький паршивец, так припрятать вещь! — зло подумала она. — Ведь я несколько раз пробиралась в его хижину, всё перерыла — и ничего не нашла!»

Дорога была долгой, но наконец показались городские ворота. В этот раз Горшочек уже не жался к брату от страха, а с любопытством смотрел по сторонам.

На рыночных улицах было полно мужиков с дровами. Прохожие лишь отмахивались от них.

Вэй Чэн посмотрел на их товар: те дрова были разрублены топором. У него же — лесной сушняк. Такой продать будет труднее.

— Пойдём на Южную улицу, там советовали дрова продавать. А потом зайдём к скорняку, отдадим зайцев.

До Южной улицы путь был неблизкий. Вэй Чэн шёл, нагруженный коробом, а на плече у него лежало коромысло с вязанками. Тяжёлая ноша давила на плечи, но он упрямо шагал вперёд, стараясь не подавать виду.

— Братик... — Горшочек поднял на него глаза. — Давай отдохнём.

— Устал? — спросил Вэй Чэн. — Ну, давай присядем ненадолго.

Они остановились у высокой стены какого-то богатого дома. Здесь было тихо и безлюдно, видимо, до цели оставалось ещё порядочно. Это место походило на задворки зажиточного поместья, и людей поблизости не было видно.

Юноша достал лоскут хлопка и бережно вытер лицо Горшочка. Куртка была тёплой, и малыш вспотел. Эти платки матушка Доумя сшила им из остатков ткани.

— Проголодался? — спросил брат.

Горшочек покачал головой:

— Нет. — И сам потянулся вытереть лицо Вэй Чэна своим платком.

Получалось у него неуклюже. Вэй Чэн не выдержал и рассмеялся:

— Ну всё, всё... я уже не потею...

В этот момент за их спинами раздался звонкий девичий смех:

— Ой! А вы что продаёте, малыши?

Вэй Чэн обернулся и увидел женщину в летах с корзиной и молоденькую служанку. Он поспешно ответил:

— Дрова продаём... и зайцев.

— Зайцев? — глаза служанки радостно сверкнули. Она весело обернулась к спутнице: — Вот ведь удача! Наш господин как раз просил на обед зайчатины с острым перцем!

<http://bllate.org/book/15346/1372672>